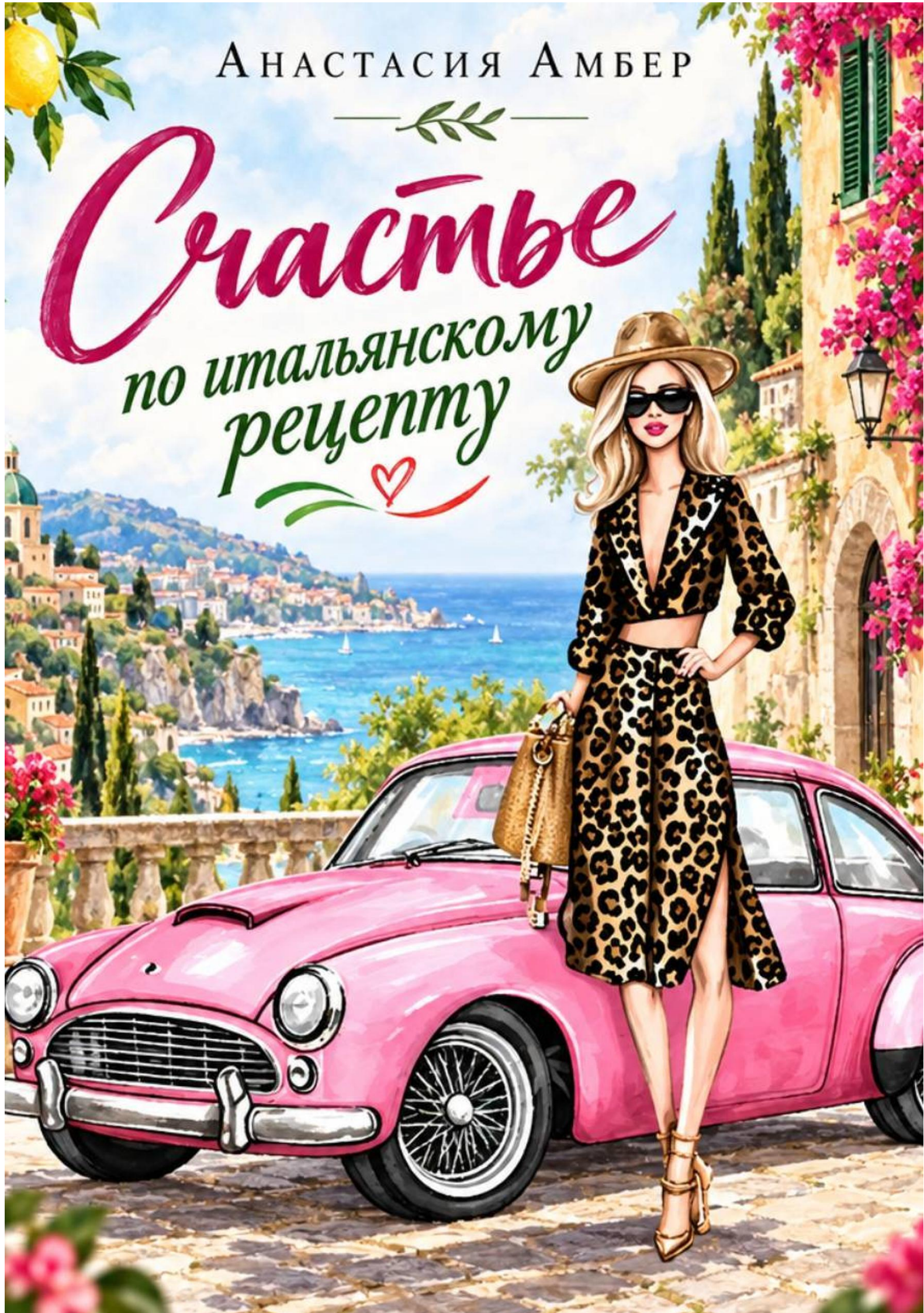

АНАСТАСИЯ АМБЕР

Счастье

по итальянскому
рецепту

Анастасия Амбер

Счастье по итальянскому рецепту

«Автор»

2026

Амбер А.

Счастье по итальянскому рецепту / А. Амбер — «Автор», 2026

Она думала, что ещё успеет начать всё заново. Он жил так, будто всё в жизни можно удержать под контролем. Но любовь в зрелом возрасте редко приходит одна. Вместе с ней всегда приходят прошлое, страхи, сожаления — и время, которое больше не хочет ждать. Италия, лето, море, белые яхты и двое людей, которые слишком долго жили каждый своей жизнью. «Счастье по итальянскому рецепту» — тёплый, чувственный роман о поздней любви, которая приходит внезапно, о желаниях, которые невозможно отложить, и о людях, которые встречаются, чтобы изменить друг друга навсегда.

© Амбер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анастасия Амбер

Счастье по итальянскому рецепту

Оглавление

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

Глава 1

Нотариальное бюро пахло мокрым камнем, кофе и дорогой бумагой. В переговорной горел холодный свет, а длинный стол из тёмного дерева казался слишком большим даже для двоих. Но в тот день их было четверо: Томмазо Риччи и его адвокат — с одной стороны; Лючия и её адвокат — с другой. Их двадцать пять лет брака уместились в несколько десятков страниц, лежавших сейчас в ровно сложенных папках по центру стола.

Томмазо устало смотрел на свои руки. Он привык подписывать контракты, сметы, соглашения о строительстве и ремонте люксовых яхт. Он умел говорить с поставщиками, капитанами, богатыми клиентами. Но сейчас перед ним лежал документ, который он не мог ни прочесть, ни исправить.

Лючия сидела напротив. Собранная и молчаливая, в тёмно-синем платье, с гладко уложенными волосами. Она смотрела в окно, на серую воду канала, пока её адвокат - молодой, слишком уверенный в себе человек с блестящими часами - раскладывал документы так методично, словно карты для игры, в которой заранее знал результат.

— Пункт четвёртый, — сказал её адвокат. — Доля в компании Ricci Marine.

Томмазо вздрогнул. Ricci Marine. Их компания. Его компания. Их общая. Он сам построил её с нуля: он помнил первые заказы, первые кредиты, первые бессонные ночи. Лючия когда-то вела бухгалтерию, принимала звонки, приносила ему в офис кофе и бутерброды, когда он забывал поесть. Потом компания выросла. Потом выросли и стены между ними.

Он вспомнил тот вечер - почти два года назад, - когда она впервые сказала ему, что хочет уйти. Они сидели на кухне их дома в Портофино, и она произнесла тихо, почти виновато: «Ты всегда работаешь, Томмазо. Меня для тебя нет. Меня как будто вообще нет».

Он тогда рассмеялся. Решил, что она устала. Предложил поехать на неделю в отпуск. Она посмотрела на него так, словно он говорил на чужом языке.

— Я устала быть одна, даже когда ты рядом, — пояснила она.

— Но я работаю для нас, — недоуменно ответил он.

— Для нас? — Она покачала головой. — За твоей занятостью времени для нас не остаётся вообще.

Он не понял. Он правда не понял. Он думал, что любовь — это надёжность. Это дом, счета, совместное будущее. Он не понимал, что для неё этот брак давно стал золотой клеткой.

Лючия же, глядя сейчас на канал, вспоминала другое. Она вспоминала, как он проверял её телефон движением, которое сам даже не замечал; как он переставлял вещи в шкафу, потому что «так правильнее», как он постоянно поправлял её: не так накрыт стол, не так сказано гостям, не так сложены полотенца, не так припаркована ее машина. Сначала это казалось заботой. Потом - придирчивостью. Потом она начала задыхаться от его постоянного контроля.

Она сказала ему, что причина в работе. Так было проще. Но настоящая причина была глубже: она больше не чувствовала себя живой рядом с ним.

— Господин Риччи, — мягко произнёс его адвокат, — по закону вы не обязаны выплачивать эту сумму целиком. Это больше, чем нужно. Мы можем оспорить.

— Я подпишу, как есть, — тихо сказал он.

Лючия подняла глаза на него. Томмазо пытался уловить в её взгляде хотя бы каплю благодарности, но тщетно. Ее взгляд выражал что-то похожее на грусть, смешанную с усталым удивлением.

— Тебе не обязательно это делать, — тихо сказала она.

— Обязательно, — ответил он. — Хотя бы это.

Она ничего не ответила. Только опустила глаза на бумаги.

Его адвокат наклонился ближе:

— Но мы ведь обсуждали...

— Я знаю, - отрезал мужчина. – Я принял решение.

Он взял ручку и подписал первую страницу. Затем вторую, третью, четвертую. Каждая подпись казалась маленьким предательством самого себя. Он платил не только за ее долю в компании. Он платил за свою вину. За то, что не слышал ее. За то, что всегда контролировал. За то, что любил так, как умел. За то, что не сумел сохранить брак и позволил ей уйти.

Когда всё было закончено, нотариус закрыл папку и сказал что-то вежливое про «оформление в течение недели», но Томмазо уже не слушал.

Лючия встала. Адвокаты начали складывать бумаги. Томмазо тоже поднялся. Он хотел напоследок сказать что-то важное. Что-то, что объяснило бы всё: почему он так много работал, почему боялся ее отпускать, почему даже сейчас, после всего, ему хотелось, чтобы она осталась.

Но он так и не смог найти нужные слова.

— Лючия, — позвал он.

Она обернулась.

— Береги себя, - сказал Томмазо.

Она кивнула, и в уголках её губ промелькнула тень улыбки.

— И ты, Томмазо.

Она вышла первой. Он остался в переговорной ещё на несколько секунд, глядя на стол, где только что закончилась их совместная жизнь после 25 лет брака. Потом вышел следом.

На улице моросил дождь. Город блестел, как мокрый камень. Лючия перешла дорогу. У тротуара ее ждала машина. Она открыла дверь и села на пассажирское сиденье. За рулём сидел мужчина, которого Томмазо видел впервые. Машина тронулась и исчезла в сером потоке прежде, чем он успел осознать, что именно только что увидел.

Томмазо остался стоять под дождём один, с папкой документов под мышкой, и впервые за много лет не знал, куда ему теперь идти.

Глава 2

Дом в Портофино встретил его тишиной, к которой ему приходилось сейчас привыкать. Раньше эту тишину всегда наполняла жизнь — шаги Лючии на втором этаже, звук телевизора из гостиной, шум кофемашины и запах кофе по утрам, который варился не потому, что он попросил, а потому что так было заведено. Теперь дом ему казался таким большим и пустым, что звук его собственных шагов по мраморному полу отдавался холодным эхом в пустоте дома.

Томмазо по привычке поставил портфель у двери, налил себе вина, хотя было только пять вечера, и сел за кухонный стол — тот самый, за которым Лючия когда-то сказала ему, что уходит. Он не помнил, чтобы когда-нибудь пересаживался на другое место.

Их старший сын, Альберто, давно жил отдельно, ещё до развода — он снимал квартиру в Милане, устроившись там работать в другую компанию, подальше от отцовской верфи и, как подозревал сейчас Томмазо, подальше от отца в принципе. Звонил он редко, вежливо и коротко.

А младший сын Марко остался дома.

Он появился в дверях кухни в тот вечер — с уставшими глазами после долгого рабочего дня. «Но рубашка все ещё идеально застёгнута на все пуговицы — моя школа» — автоматически отметил про себя Томмазо.

— Ты ел? — тихо спросил Марко.

— Не хочу, — покачал головой Томмазо, не поднимая глаз от стакана.

— Папа, ты не ел с утра.

— Марко. Я сказал — не хочу, — повысил голос тот.

Марко постоял в дверях ещё немного, потом сел напротив, как когда-то садилась Лючия.

— Я говорил с Симоне из верфи, — сказал он осторожно. — Насчёт заказа на понедельник. Хочешь, я сам этим займусь? Ты мог бы...

— Мог бы что? — резко перебил его Томмазо. — Отдохнуть? У меня нет времени отдыхать, Марко. У нас жесткие сроки по контракту, и клиент платит за то, чтобы всё было сделано вовремя! Мы не можем позволить себе такую роскошь, чтобы разочаровывать богатейших людей в мире.

— Я просто предложил.

— Я знаю, что ты предложил. — Томмазо потёр лицо ладонью. — Извини. Просто... покажи мне смету по проекту завтра утром. Хорошо?

Марко кивнул, но не ушёл сразу. Он смотрел, как отец сидит в этой огромной кухне, один, с недопитым стаканом... и не знал, как он может ему помочь справиться с этим ударом.

В последующие недели работа стала единственным, что держало Томмазо на плаву — а может, единственным, что держало его вообще. Он приезжал на верфь раньше всех и уезжал последним, работал по субботам, а иногда и по воскресеньям, и требовал от Марко того же, не всегда замечая, что сын и так уже давно живёт по этому расписанию — не потому что хочет, а потому что боится оставить отца одного.

Однажды вечером, разбирая старую почту в кабинете, Томмазо случайно наткнулся на письмо от общего с Люцией знакомого, с которым они когда-то вместе отдыхали на Сардинии. Письмо было ни о чём, вежливое приглашение на юбилей компании, но в конце была приписка от руки: «Держись, Томмазо. Слышал про Люцию. Если тебе интересно — весь город давно знал про неё и Ренато. Мне жаль, что тебе сказали последним».

Он перечитал эту строчку три раза. Черт побери, кто такой Ренато? У него вдруг сильно засосало под ложечкой. Он тут же набрал номер старшего сына Альберто.

— Что ты знаешь про Ренато? — спросил он без предисловий.

На другом конце повисло молчание.

— Папа...

— Альберто. Что ты знаешь?

— Мама была с ним не первый год, — тихо ответил сын. — Я не хотел тебе говорить. Не видел смысла — вы уже и так расходились.

Томмазо молчал так долго, что Альберто спросил:

— Ты еще там?

— Да, — сглотнув комок в горле, пробормотал Томмазо. — Похоже, муж всегда узнает последним...

Он положил трубку и еще долго сидел в темноте кабинета, чувствуя, как то, что он считал разводом — трудным, но честным финалом двадцати пяти лет — превращается в нечто другое. В обман длиной в годы, который он просто не замечал, потому что слишком был занят работой и слепо доверял собственной способности всё контролировать.

А через несколько дней он узнал от того же Альберто, что Лючия и Ренато уехали жить в Португалию — купили дом на побережье, недалеко от Лиссабона. За его деньги!

Томмазо быстро подсчитал в уме: сумма, которую он заплатил ей сверх того, что советовал адвокат, — почти пятьсот тысяч евро. Он отдал их ей, чувствуя себя виноватым за разрушенный брак, думая, что она начинает жизнь заново одна, и что ей нужна опора. Он представлял, как она грустит одна за чашкой чая долгими зимними вечерами, в маленькой квартирке. А оказалась, она обустраивает гнездышко на берегу океана с другим мужчиной. И, судя по всему, счастлива.

Он не удержался от негодования и тут же позвонил ей — первый раз с того дня в переговорной.

— Томмазо, — вздохнув, ответила на звонок Лючия. — Я почему-то не сомневалась, что ты позвонишь. Я только не знала когда.

— Ты была с ним ещё до развода! — в сердцах воскликнул он. — Как ты могла?!

— Это уже не имеет значения, — после долгого молчания, наконец ответила она.

— Имеет. Я дал тебе кучу денег, больше, чем надо было. Я думал, ты будешь одна!

— Потому что ты всегда хотел решать за меня, не так ли? Даже после развода ты хотел контролировать мою жизнь, — перебила она. — В документах не было такого условия, Томмазо, чтобы я оставалась одна, — голос её стал твёрже. — Ты сам предложил эту сумму. Никто тебя не заставлял.

— Я предложил её, потому что чувствовал себя виноватым! — на повышенных тонах продолжал он разговор. — А ты, оказывается...

— Этот разговор ни к чему тебя не приведет, Томмазо. Я вижу, ты так ничего и не понял. Я устала от твоих бесконечных обвинений за годы брака, но ты не знаешь, где надо остановиться. Я не хочу больше иметь с тобой дела, — тихо, но твёрдо перебила она. — Прошу тебя, не звони мне больше. Живи своей жизнью.

Она положила трубку прежде, чем он успел ответить. Томмазо в бессильной ярости швырнул телефон об стену.

Затем он перевел взгляд на лежавшие на столе документы. Ни одного пункта, ни одной строчки о том, что бывшей жене нельзя вступать в новые отношения. Он сам, своими руками, подписал своё поражение. И даже не заметил этого.

Глава 3

Дорога в Геную заняла чуть больше часа, и Томмазо провёл их за рулём в полном молчании — без музыки, без звонков, просто глядя на побережье, разворачивающееся за окном виток за витком. Ремонт роскошной яхты нового клиента был для него обычным делом, одним из сотен подобных проектов, через которые прошла его компания за последние годы. Но в это утро ему почему-то хотелось именно этой поездки — повода уехать из дома, где даже стены, казалось, помнили Лючию.

Яхта, которую ему нужно было осмотреть, элегантно качалась на волнах в марине Порто Антико — восемьдесят метров сияющего на солнце белого корпуса, тёмные стёкла, полированное дерево перил. Он видел такие сотни раз. Томмазо остановился на пирсе, оглядывая линии корпуса профессиональным взглядом, привычно отмечая про себя, где потребуется реальная работа, а где просто косметические процедуры.

— Синьор Риччи? — донесся голос у него за спиной.

Он обернулся. Капитан — высокий, загорелый, лет пятидесяти, с уверенными, немного ленивыми движениями человека, который слишком долго командует, чтобы куда-то спешить, — протянул ему руку.

— Конрадо Витали, — ровным низким голосом представился капитан. — Рад, что вы приехали лично, а не прислали инженера.

— Я предпочитаю видеть всё своими глазами, — ответил Томмазо, пожимая руку.

— Добро пожаловать на «Аллегру», — вежливо улыбнулся капитан, пожимая руку. — Владелец яхты просил показать вам все работы. Нам нужен ремонт кормовой палубы, замена тиковых настилов на двух палубах и возможно некоторых деталей интерьера салона.

Томмазо довольно кивнул и достал планшет. Это обещает быть крупный заказ. Он уже начал задавать вопросы — про слои лака, про подрядчиков, про сроки, — когда из салона вышла женщина в безупречной форме стюардессы.

— Оливия, будь любезна, принеси нам, по чашке кофе, — автоматически сказал Конрадо, даже не взглянув в ее сторону.

— Конечно, — приветливо ответила она.

— Оливия Марини, — вдруг представил ее капитан, повернувшись к ней лицом и почему-то стараясь не смотреть ей в глаза. — Наша старшая стюардесса. Она знает яхту лучше меня, если честно, — усмехнулся он.

— Добрый день. Очень приятно, — коротко и по-деловому кивнула она.

— Томмазо Риччи, — представился Томмазо.

Она была в форме: белоснежная рубашка, тёмная юбка, волосы собраны в хвост. Лет сорок, может, чуть меньше — подумал про себя Томмазо. Не красавица в глянцевого смысле, но было в ее взгляде нечто такое, от чего у Томмазо перехватило дух.

Она вышла, и Томмазо поймал себя на том, что невольно проводил её взглядом.

Через несколько минут она вернулась с кофе и поставила чашки на стол. Она делала это тысячи раз, и уже собиралась уйти, когда Томмазо, разглядывая чертежи, бросил, не поднимая глаз:

— Здесь нужно будет заменить всю электрику в этом отсеке. И наверное, сдвинуть переборку — так эффективнее по пространству.

— Это каюта капитана, — спокойно сказала Оливия.

Он поднял на неё взгляд.

— Простите?

— Отсек, который вы хотите сдвинуть. Это каюта капитана. — Она кивнула в сторону Конрадо. — Ему, возможно, будет что сказать по поводу эффективности использования его же спальни.

Конрадо усмехнулся.

— Она права, синьор Риччи. Это моя спальня.

Томмазо почувствовал, как в нём поднимается что-то похожее на раздражение — он не привык, чтобы его поправляли, тем более женщины — но, взглянув на неё ещё раз, вдруг понял, что раздражение куда-то исчезает. Она не смотрела на него с заискиванием, не оправдывалась, не суежилась. Ей было все равно.

— Извините, — сказал он наконец. — Я привык, что план утверждаю я.

— Не сомневаюсь, — с ироничной улыбкой ответила она.

Томмазо присел на планшир, и сказал, проведя ладонью по дереву:

— Здесь надо шлифовать полностью. Иначе через год всё поднимется.

— Через два, — спокойно сказала Оливия.

Он поднял глаза.

— Что?

— Через два года, — повторила она. — Настил меняли позапрошлой весной. Мастер из Виареджо. Я видела бумаги.

Томмазо посмотрел на капитана. Тот молчал, но по его губам пробежала легкая улыбка.

— Значит, мастер плохой, — сказал Томмазо.

— Мастер хороший, — парировала Оливия. — Просто владелец ходит по палубе в обуви, не хочет снимать. Рано еще шлифовать дерево.

— Ну, дело ваше. Это не моя яхта, — пожав плечами, медленно сказал он.

— Вот именно, — сказала Оливия. — И не моя. Но я здесь работаю.

Она сказала это без вызова. Просто как факт. И пошла к трапу, чтобы проверить, всё ли готово к обеду.

Томмазо смотрел ей вслед. Он не привык, чтобы с ним спорили. В компании с ним всегда все соглашались. Клиенты иногда спорили о деньгах, но не о сути работ. Никто не говорил ему: «ты не прав». А эта женщина сказала — и даже не извинилась.

— Она всегда такая? — спросил он капитана.

Конрадо пожал плечами.

— Оливия? Она много лет в море. Лучшая, кто у меня был. Всё замечает, ничего не забывает. Гости её обожают. Она знает, что делает.

— А почему она ушла с палубы?

— Сама решит, когда захочет, — сказал капитан и посмотрел на горизонт. — Здесь никто никого не держит. Почему вы спрашиваете?

— Просто интересно, — сказал Томмазо, отводя взгляд к морю. — Профессионализм редко встречается в таком... чистом виде.

Конрадо ничего не ответил, только слегка усмехнулся — так, будто увидел что-то, чего сам Томмазо пока не замечал в себе.

Уходя с яхты в конце дня, Томмазо еще раз столкнулся с Оливией у трапа — она несла стопку свежего белья в каюты.

— Синьор Риччи, — вежливо кивнула она.

— Спасибо за кофе, — улыбнулся ей Томмазо. — И за урок географии кают.

Она улыбнулась ему в ответ — сдержанно, одним уголком губ.

— Обращайтесь. Хотя было бы лучше, чтобы в следующий раз вы не пытались снести чью-то спальню.

— Постараюсь сдержаться, — сказал он.

Уже по дороге домой Томмазо поймал себя на мысли, что хочет увидеть её снова. Хотя бы чтобы посмотреть, как она опять поставит его на место. Потому что такого себе не никогда не позволяла ни одна женщина.

Вечером он записал в блокнот, среди смет и объёмов, одну строчку без всякой связи с работой: «*Узнать, что она пьёт по вечерам*».

Потом зачеркнул. Потом написал снова.

Томмазо впервые за много месяцев не думал ни о Лючии, ни о деньгах, ни о предательстве. Он думал о женщине в белой рубашке, которая позволила себе спорить с ним и даже не извинилась.

Это было странно. Почти как первый вдох после долгого погружения.

Глава 4

Томмазо вернулся в Геную через неделю — формально, чтобы утвердить смету с капитаном Конрадо, но смету можно было выслать и по email. И Томмазо, конечно, это знал.

Он нашёл номер Оливии через секретаря марины — под предлогом «уточнить детали по каютному оборудованию» — и написал сообщение, которое переписывал четыре раза, прежде чем отправить: «Оливия, добрый вечер. Это Томмазо Риччи. Если у вас будет свободный вечер на этой неделе — буду рад пригласить вас на ужин. Без обязательств и без сноса кают».

Ответ пришёл через два часа. «Без кают — уже интригующее предложение. Я свободна в пятницу вечером».

Ресторан он выбрал сам — маленькое место у самой воды, в Боккадассе, куда генуэзцы водили не туристов, а тех, кого хотели удержать подольше. Столик на террасе, белые скатерти, свечи в стеклянных стаканах, лодки, покачивающиеся у причала.

Оливия пришла не в форме — впервые он увидел её в элегантном приталенном платье, тёмно-синем, с открытой спиной, и она показалась ему еще более красивой, чем на яхте.

— Вы без формы, — сказал он, вставая, чтобы отодвинуть ей стул. — Даже не сразу узнал.

— Надеюсь, это комплимент, — улыбнулась она.

— Безусловно.

Они сели, и он, не спрашивая, подозвал официанта. Томмазо открыл меню, пробежал глазами и закрыл.

— Начнём с анчоусов в лимонном масле. Потом — ризотто с морепродуктами. И белое вино Верментино, что с виноградников Чинкве-Терре, и на закуску — карпаччо из тунца.

Он посмотрел на Оливию. Она все еще держала меню в руках — и медленно положила его на стол.

— А если я не люблю ризотто? — спросила она.

— Тогда скажите, и мы поменяем, — после некоторой паузы, удивленно ответил Томмазо.

— Я люблю ризотто, — сказала она спокойно. — Но вы даже не спросили.

Он не нашёлся что ответить. Впервые за годы ему стало неловко за то, что раньше казалось достоинством. Уверенность. Решительность. Умение взять ответственность на себя.

Официант кивнул и ушёл. Оливия смотрела на Томмазо с лёгким прищуром.

— Вы всегда заказываете за других? — поинтересовалась она.

Он поднял глаза, не сразу поняв, что она имеет в виду.

— Простите. Я... по привычке.

— Ясно, — сказала она, чуть улыбнувшись. — Это у вас интересная особенность.

— Особенность?

— При нашей первой встрече Вы чуть не снесли каюту капитана, не спросив его мнения. Теперь заказываете мне ужин, не спросив моего. — Она отпила воды. — Похоже, у вас это системное.

Он рассмеялся — впервые за долгое время легко, по-настоящему.

— Наверно Вы правы. Моя бывшая жена говорила мне то же самое. Только другими словами.

— И какими же? — чуть наклонив голову в сторону, поинтересовалась Оливия.

— Менее вежливыми... — усмехнулся мужчина.

Принесли вино, и, пока официант разливал его по бокалам, между ними повисла пауза — не неловкая, а какая-то настороженно-любопытная, будто оба решали, как далеко можно зайти в этот вечер.

— Расскажите мне о море, — попросил он наконец. — Не о работе. О том, каково это — жить там, где нет земли под ногами.

Она посмотрела на воду за его плечом, будто собираясь с мыслями.

— Свобода, — задумчиво сказала она. — Первые годы — это чистая свобода. Новые страны каждую неделю, новые люди, деньги, которые некуда тратить, потому что ты всё время в море. Мне было двадцать три, когда я впервые поднялась на борт. Я думала, что нашла лучшую жизнь на свете.

— А потом?

— А потом мне исполнилось тридцать. Потом тридцать пять. — Она покрутила бокал за ножку. — Подруги, с которыми я росла в Специи, повыходили замуж, родили детей, я видела это по фотографиям — свадьбы, крестины, дни рождения, — а я в этот момент разливала шампанское для чужих юбилеев где-то на Лазурном берегу. Я никогда нигде не остаюсь надолго, синьор Риччи. Это и есть моя жизнь.

— Томмазо, — поправил он мягко.

— Томмазо, — повторила она, будто пробуя имя на вкус. — У меня есть подруга в Генуе, — продолжила она. — У неё трое детей, муж, квартира с балконом. Иногда я приезжаю к ней на выходные. И понимаю, что смотрю на её жизнь, как на витрину. Красиво, но за стеклом.

Томмазо слушал. Обычно он слушал людей с расчётом: что от них нужно, что они могут дать. Сейчас же он слушал с неподдельным интересом, и это было непривычно.

— А вы? — спросила она. — Чем вы живёте, когда не осматриваете чужие яхты?

— Работой, — тихо ответил он.

— Только работой? — она пристально посмотрела на него.

Он отпил вина.

— Недавно от меня ушла жена, после двадцати пяти лет брака. Мы вместе строили компанию. Она забрала свою долю и уехала. В Португалию. С другим мужчиной.

Он сам не понял, зачем сказал это. Он не собирался. Но здесь, у воды, под свечами, с чужим человеком, который ни о нём ничего не знал, врать было тяжелее, чем говорить правду.

Оливия не сказала «мне жаль».

— Двадцать пять лет — это много, — приподняв брови, ответила Оливия. — Вы, наверное, уже и забыли, как это — жить одному.

— Не забыл, — ответил он. — Просто не умею. И потом, я не совсем один. Со мной остался младший сын. Он работает со мной.

Они замолчали, глядя на воду, где лодки покачивались в темноте, и где-то за спиной раздавался смех из соседних столиков, но между ними установилась тишина, которая не требовала заполнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.